На правах рукописи

КОСТЕНКОВА Владислава Вячеславовна

АНТИУТОПИЯ НАЧАЛА XXI ВЕКА В ДИНАМИКЕ ЖАНРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы, теории литературы и критики в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Голикова Лариса Порфирьевна, Научный кандидат филологических наук, профессор руководитель: Официальные Борода Елена Викторовна, оппоненты: доктор филологических наук, доцент кафедры профильной довузовской подготовки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина Иванова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры отечественной мировой И Северо-Кавказского федерального университета Ведущая Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования организация: «Южный федеральный университет» Защита состоится 29 июня 2019 года в на заседании диссертационного совета Д 212.101.04 по филологическим наукам при Кубанском государственном университете по адресу: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, 7, ауд. 309. С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, на сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» Автореферат разослан «_____» ____ 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета кандидат филологических наук, доцент

Безрукавая М.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Прогностическая литература любой эпохи прежде всего является «флюгером» общественных настроений. Нестабильность социальной системы, предчувствие грядущих техногенных и экологических катастроф, тревога относительно скорости развития информационных технологий, пессимистические взгляды на глобализацию как угрозу национальной и культурной самобытности, а также многие другие факторы формируют негативные социальные настроения, выражающиеся в опасении за неверный выбор путей развития человечества. Реакцией на текущую социально-политическую обстановку становится написание антиутопических произведений, целью которых является предостережение. Закономерен рост интереса к прогностическим контекстам литературного творчества - секрет популярности жанра заключается в том, что он «оказался адекватен тем вопросам о социуме, о государстве, которые задает себе современный человек»¹. В настоящее время литературная антиутопия очень популярна, но существует большое количество спорных вопросов, связанных с теоретическим определением жанра, выявлением его структурных, типологических и художественных признаков.

Несмотря на особое «промежуточное» положение антиутопии на границе науки (социологии, политологии, философии, историософии, антропологии, культурологии и др.) и художественной литературы, а также на ее тесную связь с социальным прогнозированием, в XX веке антиутопия приобретает жанровую автономность и более не идентифицируется как некое наджанровое образование, которое, аналогично сатире, может придавать своеобразие самым различным жанрам.

В узком смысле слова антиутопия – литературный жанр, находящийся в диалогически-дискуссионных отношениях с утопией и представляющий собой описание негативной социальной модели, являющейся экстраполяцией современных тенденций

¹ Черняк М. А. Отечественная проза XXI века: предварительные итоги первого десятилетия. М.: Форум, 2009. С. 16.

развития общества. В широком – тип сознания и особый способ художественного предвидения, целью которого становится репрезентация неприемлемых с гуманистической точки зрения вариантов развития социума на основе популярных социально-политических, экономических, религиокультурных и других концепций.

Период стабилизации жанровой структуры и аккумулирования нормативных констант приходится на XX век – время возникновения классических для антиутопии произведений (Е. Замятин, Дж. Оруэлл, О. Хаксли и др.), когда окончательно формируется идейно-тематическое и художественное своеобразие жанра.

В данной работе рассмотрены особенности формирования и развития литературной антиутопии XXI века, ее своеобразие и поэтика. Антиутопические тексты, созданные в начале XXI века, недостаточно глубоко исследованы в теоретико-литературном и методологическом аспектах и нуждаются в комплексном изучении, поэтому актуальность данной работы определяется необходимостью осмысления проблем развития антиутопии как одиз популярнейших русской жанров тенденционно сформированных и формирующих отношение к текущей действительности. Существуют лакуны в научном осмыслении вопросов жанровой модальности, проблематики и поэтики новейшей антиутопии, поэтому определение ее места и значения в литературном процессе начала XXI века является важной задачей современной теории литературы.

Научная новизна работы определяется недостаточной изученностью поэтики современной литературной антиутопии и выражается в сопоставлении современных моделей с образцами антиутопии XX века. Необходимость филологических исследований в этой области продиктована особой культурно-исторической ролью антиутопической литературы, ее неразрывной связью с социологией, политологией, культурологией, философией, религиоведением и другими науками гуманитарного пикла.

Материалом диссертации послужила современная антиутопическая проза начала XXI века: рассказы В. Маканина, Л. Каганова, повести А. Кабакова, романы А. Волоса, Е. Чудиновой, А. Старобинец, Д. Глуховского. Указанные тексты являются наиболее релевантными фактами литературной рефлексии и представляют собой характерологические образцы для иллюстрации изменений анализируемой жанровой структуры.

Предметом исследования является идейно-эстетическая связь современных антиутопических произведений с классическими текстами такой же жанровой модели, сложившейся в XX веке, и выявление в данном контексте изменений на идейнотематическом, сюжетном, образном и поэтическом уровнях текстов. Объектом — трансформация признаков жанрового содержания современной антиутопии.

Цель диссертационного исследования — изучение путей развития русской литературной антиутопии начала XXI века в динамике жанровых трансформаций, анализ формальных и содержательных аспектов представленных произведений с целью выявления соотношений в них доли традиций и новаций, обнаружения сходств и различий с классической антиутопической моделью.

В соответствии с поставленной целью в работе формулируются и решаются следующие задачи:

- 1) раскрыть особенности тематики, проблематики и поэтики антиутопической прозы начала XXI века в сопоставлении с классическими образцами жанра XX века;
- 2) определить основные тенденции развития современной антиутопии в проблемно-тематическом и теоретиколитературном аспектах;
 - 3) выделить характерные семиотические модели жанра.

Степень разработанности проблемы. В современном литературоведении не существует однозначного научного определения литературной антиутопии. Несмотря на сложившиеся традиции в области изучения антиутопии в XX веке, остаются спорными вопросы о ее взаимосвязи с утопией, научной фантастикой и футурологией. Отсутствуют научные исследования, комплексно анализирующие новейшие тексты русской антиутопической литературы в контексте жанровой дефиниции. Все это подтверждает актуальность выбранной темы.

Теоретико-методологическую базу исследования составили представленные в библиографии труды по теории жанра (Бахтин 1972, 1986, 1990; Бернадская 2005, Лейдерман 1982, 1988, 2005; Тамарченко 2003; Тынянов 1977); в частности, утопии и антиутопии (Баталов 1989; Воробьева 2006; Гальцева 1991; Козьмина 2006; Ланин 1993, 1993а; Любимова 2001; Морсон 1991; Павлова 2004; Тузовский 2009; Шадурский 2007; Шефер 1988; Шишкина 2007; Юрьева 2005 и др.); научные и критиисследования феномена современной литературы (Нефагина 2005; Никольский 1997; Тернова 2007; Черняк 2009; Эпштейн 1998, 2001; Абашева 2013); работы по смежным с литературным творчеством областям - искусству и науке: социологии, политологии, религиоведению, психоанализу и др. (Белл 2004; Бычков, Маньковская 2006; Выгонский 2005; Еленский 2011; Робертсон, 2010; Кереl 1994); научные и критические работы по анализу отдельных произведений (Данилкин 2011; Кукулин 2004; Юзефович 2017).

Методы исследования. В основу методологии данного исследования положен комплексный анализ. При рассмотрении современных антиутопических произведений были использованы историко-литературный, концептуальный, структурносемиотический, интерпретационный методы, при сопоставлении избранных текстов с классической жанровой формой — историко-типологический, жанрово-исторический, сравнительносопоставительный методы при учете социологических и культурологических аспектов литературоведения.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что полученные научные результаты развивают теорию антиутопии и позволяют дополнить сложившееся в отечественном литературоведении представление о функционировании жанра в современном литературном пространстве. Теоретически оформлены и обоснованы закономерности трансформации тематики, проблематики и поэтики современной антиутопии, определены малоизученные ранее тенденции жанровой эволюции. Произведения, открывающие новую веху в истории антиутопической мысли, проанализированы как результат художественно-авторского осмысления актуальных общественно-политических,

социально-психологических, религиокультурных, экологических проблем современности.

О связи с традицией говорит сохранение знаковых черт классической жанровой формы:

- закольцованность, цикличность истории;
- диалогически-дискуссионные отношения с утопией («Будущее» Д. Глуховского, «Живущий» А. Старобинец, «Нульгород» Л. Каганова);
- дух исторического пессимизма (конечная точка путешествие героя «Приговоренного» А. Кабакова кладбище, взрыв Нотр-Дама в «Мечети Парижской Богоматери» Е. Чудиновой, вымирание человечества в «Живущем» А. Старобинец);
- идея наличия героя-бунтаря, толчком к «пробуждению» которого становится любовь («Будущее» Д. Глуховского, «Живущий» А. Старобинец);
- красочная презентация псевдокарнавала (включение в канву повествование мотива избрания «шутовского короля» («Живущий» А. Старобинец, «Однодневная война» В. Маканина), эксцентричность, театрализация, «карнавальность» действия (казни в прямом эфире, превращенные в шоу, в «Живущем», комично-драматичные описания различных способов самоубийства в «Нульгороде», пытка смехом в «Будущем» и т. д.));
- проникновение идеологии в сферу лексики, в частности, обеднение лексики, аббревиация, мифологизация и введение новояза, отражающего реалии нового мира («Живущий» А. Старобинец);
- отдельные элементы хронотопа: замкнутость пространства, использование устойчивой для антиутопии антиномии «статика / динамика».

Материалы и выводы диссертационного исследования расширяют представление о жанре антиутопии в контексте современной русской прозы.

Учитывая предшествующий опыт изучения антиутопии XX века, в своей работе мы выносим на защиту следующие положения:

1) Антиутопия XXI века меняет тематику, и сюжетообразующими элементами становятся страхи современности: про-

блема глобализации, потеря религиозной и национальной самобытности при оккупации страны агрессивно настроенными захватчиками («Мечеть Парижской Богоматери» Е. Чудиновой, «Маскавская Мекка» А. Волоса, «Приговоренный» А. Кабакова); угроза экологической катастрофы, глобального перенаселения планеты («Будущее» Д. Глуховского), комплекс моральноэтических проблем, связанных с перспективами человечества достичь бессмертия («Будущее» Д. Глуховского, «Живущий» А. Старобинец, «Нульгород» Л. Каганова), возможные последствия скачкообразного развития информационных технологий и массового ухода людей в «иллюзорные миры» компьютерной реальности («Живущий» А. Старобинец, «Нульгород» Л. Каганова).

- 2) Происходит трансформация религиозной тематики (если в классической антиутопии XX века религией было поклонение некому идолу-государству или человеку-Благодетелю, представляющему это государство, вера в чистый разум и рациональное начало, то в антиутопии XXI века координаты сдвигаются к конкретным религиям, происходит борьба сверхчеловека с Богом либо наблюдается уклон в сторону мистически-непостижимого Богом становится Система самозародившееся в условиях нового мира, полумифическое нечто, имеющее «сознание и волю»).
- 3) Основной конфликт смещается из области политики и идеологии в сторону сферы социо- и религиокультурной (Е. Чудинова, А. Волос, А. Кабаков, В. Маканин) либо в область философии (Д. Глуховский, Л. Каганов). Появляется характерная для русской литературы репрезентация дихотомии «Восток Запад».
- 3) Наблюдается видоизменение традиционного антиутопического хронотопа фантастические допущения, служащие для моделирования иной действительности, в указанных произведениях встречаются заметно реже. Эффект подлинности повествования достигается за счет активной эксплуатации образа текущего социального, политического, культурного развития человечества и использования популярных общественных тенденций. В современной антиутопии не разорвана связь прошлого, настоящего и будущего, наоборот, формируется четкая причинно-

следственная связь, позволяющая не только показать преемственность эпох, но и сопоставить вымышленное и реальное, зачастую на ней строится сюжетная коллизия.

- 4) Качественные изменения затрагивают образную систему персонажей: наблюдается тенденция к «уравновешиванию» женских и мужских образов. Героиня, в классической антиутопии выполняющая роль безликого «катализатора» бунта, из субъекта, призванного «смутить» героя-конформиста, трансформируется в движущую силу истории. Софья Севазмиу, Аннели представляют собой принципиально новый тип героини в антиутопической литературе женщины сильной духом, способной на бунт против судьбы посредством борьбы с террором тоталитарной власти, но при этом не лишенной человеческих черт. Меняется и типичный антиутопический герой: зачастую это человек, сознательно отказавшийся от борьбы в пользу бессмысленной рефлексии («Приговоренный» А. Кабакова, «Однодневная война» В. Маканина, «Живущий» А. Старобинец, «Нульгород» Л. Каганова).
- 5) Отмечается включение в структуру антиутопии характерных черт киберпанк-литературы (действие происходит в киберпространстве; наличие нетипичного героя: маргинала, хакера либо программиста; использование узнаваемых элементов мира, таких как биоимпланты, нанотехнологии, генная инженерия, искусственный интеллект и т. д.). Кибер-единение людей формирует новый тип антиутопического хронотопа: пространство приобретает новую плоскость «над-пространство» виртуального мира, и именно оно играет ключевую сюжетную роль изолята и одновременно коннектора. Разрыв связи происходит по другой диагонали: не между прошлым, настоящим и будущим, а между реальностью и виртуальностью (иллюзией).

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что материалы и выводы диссертации могут быть использованы при создании учебных пособий по теории и истории литературы, написании монографий и научных работ по исследованию жанра антиутопии, при составлении лекций для спецкурсов и спецсеминаров по русской прозе начала XXI в.

Апробация исследования осуществлялась в виде докладов на ежегодных вузовских научно-практических конференциях молодых ученых (магистрантов, аспирантов и докторантов), а также на международных научных конференциях: «Актуальные вопросы филологических исследований» (Краснодар, 2013), «Русский мир и народовластие: стратегии современного онтологического дискурса» (Краснодар, 2014), «Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития» (Краснодар, 2016), «Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста (Краснодар, 2016). В 2014-2015 учебном году материалы диссертационной работы были использованы соискателем в Кубанском государственном университете в преподавании спецсеминаров «Специфика жанра антиутопии в русской литературе» на 4 курсе бакалавриата по направлению подготовки 032700.62 Филология (профиль «Прикладная филология») и «Эволюция жанра антиутопии в современной русской литературе» на 4 курсе бакалавриата по направлению подготовки 032700.62 Филология (профиль «Отечественная филология»). Главы диссертационного исследования обсуждались на кафедре истории русской литературы, теории литературы и критики ФГБОУ ВО «КубГУ». Опубликовано 7 научных работ, входящих в базу Российского индекса научного цитирования, включая 3 статьи во всероссийских журналах из перечня ВАК Минобрнауки РФ, а также 1 зарубежная статья в международном журнале современной филологической и ареальной русистики «Nová rusistika» (г. Брно, Чешская республика). Публикации соответствуют теме исследования и раскрывают его основное содержание.

Структура работы. Объем и структура диссертации определены спецификой исследуемой проблемы, поставленными целями и задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновываются актуальность и новизна темы исследования, характеризуются предмет и объект диссертационного анализа, определяется степень изученности темы, формулируются цель и основные задачи диссертации, описывается ее теоретическая и методологическая база.

В первой главе **«Классическая антиутопия: жанровая** дефиниция» были проанализированы наиболее значимые теоретические работы, посвященные антиутопии, и выделены ее характерные черты.

К концу XX века антиутопия становится способом выражения литературного самосознания нации. В первой главе была сделана попытка дать научное описание данного жанра с целью дальнейшего выявления его инвариантов в русской литературе начала XXI века.

Антиутопия не имеет четкой, закрепленной в теории литературы дефиниции. Для изучения вопроса о трансформации жанра в современном литературном процессе необходимо сформулировать определение и выявить структуру классической антиутопии. По нашему мнению, в XX веке она приобретает жанровую автономность и более не идентифицируется как некое наджанровое образование, которое может только придавать своеобразие самым различным жанрам.

Период стабилизации жанровой традиции приходится на XX век — время возникновения классических для антиутопии произведений (Е. Замятин, Дж. Оруэлл, О. Хаксли и др.). Именно в этот временной отрезок происходит аккумулирование нормативных констант. Проанализировав характерные жанровые черты, выделенные исследователями-утопиологами (Б. А. Ланин, А. Н. Воробьева, О. Н. Филенко, И. Д. Тараненко, И. Д. Тузовский, С. Г. Шишкина, Л. М. Юрьева и др.), мы определили наиболее частотные и узнаваемые признаки антиутопии:

- специфический хронотоп: вневременность либо неисторичность времени, которое застыло или остановилось, разорвав преемственность между прошлым, настоящим и будущим, и, как следствие, связь между поколениями; ограниченное, изолированное пространство;

- место действия тоталитарное государство, сформировавшееся в результате мощных социально-политических преобразований, произошедших после войны, революции или другой глобальной катастрофы;
- основной конфликт конфликт социальный: личности и государства, индивида и общества, человека и Системы;
- диалогически-дискуссионные отношения с утопией: социум антиутопии вынужден считать, что живет в идеальном мире;
- наличие героя-бунтаря или оппозиционно настроенного к существующему строю коллектива в качестве движущей силы сюжета; толчком к «пробуждению» героя становится любовь, возникший интерес к духовной сфере («проснувшаяся душа»);
- использование фантастики как приема для создания убедительного образа будущего;
- проникновение идеологии в сферу лексики: использование целого ряда приемов для кардинального изменения словарного состава языка, произведенного на уровне государства, как дополнительного средства контроля над мировоззрением граждан и их образом мыслей (сокращение, обеднение лексики посредством уничтожения «опасных» слов и понятий, безграничное расширение семантики слова, введение новояза, отражающего реалии нового мира, аббревиация, мифологизация, десемантизация фраз и выражений при помощи затемняющего смысл суждения, использование громоздких официозных и партийно-бюрократических конструкций, слов с избыточной оценочностью и т. д.);
- псевдокарнавал (по аналогии с классическим карнавалом, исследуемым в работах М. М. Бахтина) как специфическая черта тоталитаризма, являющаяся структурной основой антиутопии; амбивалентность чувств, названная «пульсаром», переход от страха к благоговению перед властью;
- карнавальные элементы, театрализация, включение в канву повествования мотива избрания «шутовского короля»;

Предложенная нами модель содержит всеаспектное описание структурно-семантического комплекса антиутопии, но может быть уточнена в дальнейших исследованиях.

В второй главе «Религиокультурный конфликт в современной антиутопии» были рассмотрены произведения, открывающие новую веху в истории антиутопической мысли. В связи с повышением общественного интереса к проблемам глобализации религия получила новый импульс для усиления своего влияния на все сферы человеческой жизни, что нашло отражение и в литературе прогностико-предупреждающего характера. Для классической антиутопии XX века было характерно обожествление конкретного человека, являющегося символом и живым воплощением государственной власти (Благодетеля, Большого Брата, Форда и т. д.), или же конкретной идеи, заложенной в фундамент социально-политического устройства и формирующей общественную идеологию. Антиутопия XXI века исследует конкретные религии.

В главе были рассмотрены такие произведения, как роман Е. Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери», роман А. Волоса «Маскавская Мекка», повесть А. Кабакова «Приговоренный», рассказ В. Маканина «Однодневная война». Конфликт в данных антиутопиях остается классическим - социальным, однако в нем наблюдается смещение от сферы политики и идеологии в сторону сферы социо- и религиокультурной. Характерная для русской литературы репрезентация дихотомии «Восток – Запад», попытка исследовать вечное противопоставление этих регионов, отличающихся политическим устройством, религиозными взглядами, ценностными ориентирами, переходит и в антиутопические произведения. Традиционный конфликт «тоталитарная (массовая) идеология - идеология свободного человека (единичная, оппозиционная, запрещенная)» расширяется до конфликта разных мировоззрений, в отдельных случаях принимающих уродливые диктаторские формы. Также имеет место трансформация традиционного антиутопического хронотопа. События всех произведений разворачиваются в недалеком, а значит, обозримом и узнаваемом, будущем (2048 год у Е. Чудиновой, 2017 у А. Кабакова, XXI век у В. Маканина и А. Волоса – сравнить с XXVI веком «Дивного нового мира» О. Хаксли и ХХХІІ веком романа «Мы» Е. Замятина). Соответственно, фантастические допущения, служащие для моделирования иной действительности, в

указанных произведениях встречаются заметно реже. Пропадает необходимость использования вымышленных деталей для достоверного формирования образа нового мира, так как он является логичным развитием настоящего, расположенного на небольшом отдалении от будущего. Наполняя свои произведения узнаваемыми элементами, за счет чего существенно повышается эффект подлинности происходящего, авторы современных антиутопий используют прием экстраполяции существующих общественных тенденций, достигая максимального влияния на умы читателей. К примеру, Е. Чудинова в своем романе часто упоминает реальные исторические события недавнего прошлого, ссылки на журналистские расследования, интервью политиков, телепередачи и пр. Эссе экстраполятора из «Приговоренного» А. Кабакова, по сути, является попыткой представить события наступившего «Нового Времени» как результат деятельности освобожденного от всяческих запретов человечества. Следствием преступно безграмотного отношения к чужой культуре и религии является Однодневная война из рассказа В. Маканина. Если в классической антиутопии читатель лишь проецирует изображаемое на определенное государство, то антиутопия начала XXI века напрямую указывает на реально существующие страны и политические группировки. В перечисленных произведениях пропадает такая деталь, как вневременность и неисторичность, характерная для классической антиутопии: наоборот, появляется причинно-следственная связь прошлого и будущего, преемственность эпох. В моделируемых авторами государственных устройствах за решения, принимаемые или уже принятые в настоящем, несут наказание люди будущего - дети расплачиваются за ошибки отцов. Мир в исследуемых произведениях дробится на кусочки, перекраивается политическая карта, сливаются нации и национальности, тем не менее сохраняется оппозиция «замкнутое пространство – внешний мир», в которой основным параметром враждебности экстернального локуса (как правило, представленного мировыми державами) становится несовпадение по культурным, религиозным и социальным взглядам. Этому событию предшествует глобальная катастрофа – победа ис-

лама в «Мечети...» и «Маскавской Мекке», обмен ракетами в «Однодневной войне», цепь глобальных катастроф, начавшихся с перестройки экономики в связи с исходом нефти в «Приговоренном». Объединяет данные произведения причина, вызвавшая обширные и разрушительные изменения в мировом сообществе: захват Москвы и Европы мусульманами, межнациональный конфликт на почве религиозных трений, оказавшийся «искрой» Однодневной войны. Отличительной чертой современных антиутопий становится закольцованность, цикличность истории: в «Приговоренном» Левый берег Берлина вновь отделен от Правого стеной, как во времена холодной войны, и по бегущим с Левого стреляют без предупреждения; католические мессы во Франции Е. Чудиновой тайно проводятся в катакомбах - по образцу ранних христиан, Собор Парижской Богоматери, превращенный в мечеть новыми властями, трагически повторяет судьбу храма Святой Софии в Константинополе. Все возвращается на круги своя после революции в Маскаве. Россия «Приговоренного» вновь носит название СССР, только расшифровывается на этот раз аббревиатура как Славянское Содружество Соединенной России

Качественные изменения коснулись образной системы персонажей: если в классической антиутопии героиня лишь провоцирует героя на активные действия, выполняя сюжетную функцию мотиватора и стимула для развития, «пробуждая» дремлющие в нем силы, то в романе Е. Чудиновой женские персонажи становятся полноценными участниками событий, приобретая собственную сюжетную линию. Касательно «Мечети Парижской Богоматери» уже нельзя утверждать, что мужские образы ведут свои сольные партии, в то время как женские — лишь аккомпанируют им. Тенденция к «уравновешиванию» системы персонажей берет начало еще с рассказа Л. Петрушевской «Новые Робинзоны» и наиболее полно раскрывается в антиутопии XXI века.

«Приговоренный» А. Кабакова и «Однодневная война» В. Маканина являются философскими размышлениями о будущем. В отличие от классической антиутопии, в данных произве-

дениях не разорвано взаимодействие прошлого, настоящего и будущего: более того, на причинно-следственных связях строится сюжетная коллизия. Человечество получает именно то, что оно заслужило, ради чего сражалось. Герои — экстраполятор Кабакова и президенты Маканина — в сюжете являются лишь людьми, пытающимися осмыслить произошедшее и в традиционной для антиутопии дневниковой манере описать Новый мир. Они способны лишь на болезненную рефлексию, не на бунт.

Все произведения, рассмотренные в данной главе, проникнуты духом исторического пессимизма: под лозунгом «Так не достанься же ты никому!» уничтожается Нотр-Дам, погребая под своими обломками героев-идеологов; медленно угасают ставшие мишенью для всеобщей ненависти экс-президенты; сбежавший из настоящего в ужасное будущее экстраполятор возвращается назад к «своим», конечной точкой путешествия выбирая Ваганьково.

Антиутопическая литература на протяжении всего своего бытования в историческом процессе неоднократно играла провидческую роль, обладая удивительным свойством обнаруживать, осмыслять и представлять нам социальные страхи, существующие в том числе и в подсознании людей. Авторы антиутопий, поднимающие религиозный вопрос, предостерегают об угрозе бездуховности, повлекшей за собой релятивизм, гедонизм, интеллектуальную деградацию, полное отсутствие духовной культуры масс, с одной стороны, и проповедование уничтожающих основы социума псевдолиберальных ценностей общества потребления - с другой. Они призывают к правильному пониманию термина «толерантность», означающего «терпимость», т. е. допущение, согласие определенного присутствия иной культуры на собственном культурном пространстве, что вовсе не равно ее внутреннему принятию и измене собственному национальному, религиозному и культурному мироощущению. А те, кто выступают с подобными инициативами, предают свою веру, культуру и традицию, не заботясь о сохранении национальной идентичности собственных народов, в чем, по мнению писателей-антиутопистов, и таится опасность.

В третьей главе «Бессмертие как онтологическая проблема бытия: антиутопия Д. Глуховского "Будущее"» изучается проблематика и поэтика романа, заявленного в названии. В антиутопии Д. Глуховского поднимаются вопросы о том, как бессмертие человеческого тела повлияет на душу и что произойдет с миром в случае получения подобной фантастической технологии. В то же время автор художественно исследует одну из самых дискуссионных тем, представленных в информационном пространстве – тему перенаселения Земли и нехватки жизненных ресурсов. Если ранее в антиутопической литературе данная проблема изображалась сатирически, гиперболизировано и гротескно, новация Д. Глуховского заключается в реалистичности поусиливающей вествования, релевантность его футурологического прогноза.

«Будущее» базируется на классическом антиутопическом каркасе: типична идея наличия героя-бунтаря, толчком к «пробуждению» которого становится любовь («проснувшаяся душа»). Как и классическая антиутопия, роман Д. Глуховского вступает в диалогически-дискуссионные отношения с утопией: внешне идеальный мир бессмертных людей предстает как элитократическое тоталитарное государство, жестко ограничивающее свободу личности. Данное автором определение романа («роман-утопия») вступает в оппозиционные отношения с его содержанием. Основной конфликт личности и государства, индивида и общества, смещается от сферы политики и идеологии в сферу философии. Борьба Нахтигаля против Системы становится воплощением борьбы человека с Богом, смертного со сверхчеловеком, «живого», «животного» начала с мертвенным бессмертием, физически уничтожившим половину мира и выжигающим все человеческое из оставшейся. Хронотоп сохраняет классическую структуру: замкнутое пространство новой Европы, отгородившейся от остального мира, застывшее время, в котором все времена года слились в одно, а вместо неба сияет огромный проектор. Но, несмотря на действие, происходящее в XXV веке, не разорвана связь прошлого, настоящего и будущего.

Особенности темпорального дискурса романа выражены в использовании автором системы временных мотивов (борьбы со

временем, утраченного времени, застывшего времени), включении в композицию романа ретроспективного повествования, осуществляющего связь между этапами формирования личности героя, представлении будущего как символического образа. Свойственные исследуемому жанру особенности хронотопа позволяют автору не только подчеркнуть неразрывную связь прошлого с будущим, но и сопоставить вымышленное и реальное. Тема времени реализуется в рамках классической для антиутопии антиномии «статика / динамика».

Через дуальную оппозицию «смех / страх» реализуются элементы псевдокарнавала в романе. Оба феномена как формы эмоциональной реакции на парадоксальность действительности представлены неразрывной связью тоталитарной культуры с развлекательными средствами массовой коммуникации. Смех, который можно определить как знак проявления свободы в социальных отношениях, трансформируется в орудие насилия над личностью: по законам псевдокарнавала улыбка становится гримасой боли. И лишь настоящая, искренняя радость ребенка оказывается способна разорвать порочный круг.

Как и Софья Севазмиу из антиутопии «Мечеть Парижской Богоматери» Е. Чудиновой, Аннели демонстрирует собой новый, деятельный тип героини, который наравне с мужскими персонажами можно отнести к категории «героев-бунтарей». Как и у Севазмиу, ее противостояние жестокой реальности заканчивается амбивалентно — не победой и не поражением: достигнув своей цели, она погибает от последствий принятия этого решения.

В своей антиутопии Д. Глуховский рассматривает глобальные изменения в жизни людей, реализуя негативные коннотации, связанные с идеей человеческого бессмертия. Создаваемое им замкнутое художественное пространство служит моделью современного нам мира, а критический пафос романа основан на глубоком убеждении автора о несовместимости элитократического тоталитарного строя с истинным прогрессом. Писатель берет актуальный, с каждым годом становящийся все менее фантастически-недостижимым тренд и анализирует его, показывая, что может ждать человечество, если оно и дальше продолжит двигаться в этом направлении.

В четвертой главе **«Виртуальная реальность как альтернатива настоящей жизни: эскапизм XXI века»** проанализированы антиутопические произведения А. Старобинец и Л. Каганова, посвященные художественному исследованию темы виртуального эскапизма. «Кибер-глобализация», бегство от реальности, пассивность и нежелание принимать на себя ответственность за принятие решений становятся причинами для установления тоталитарного контроля над обществом и, в итоге, постепенного вымирания человеческой расы.

В данных произведениях рассматривается вопрос о том, как экспансивное развитие цифровых технологий может повлиять на традиционные социальные институты. Фантастическим допущением авторов в обоих случаях является включение в систему повествования «фантоматической машины» - технического посредника виртуальной коммуникации, формирующее главную сюжетную коллизию - столкновение искусственной действительности с реальной. Система терминалов, созданная Университетом в «Нульгороде», и церебральные импланты в «Живущем» становятся революционными технологиями, кардинально меняющими вектор развития человеческой цивилизации. Способность людей переселяться в виртуальный мир приводит к тотальной утрате интереса к реальности и, как следствие, постепенному упадку материальной культуры. Социальный регресс, разворачивающийся на фоне высокого технологического развития – предмет исследования особого жанра научной фантастики - киберпанка. Современная антиутопия прибегает к использованию узнаваемых элементов данной жанровой формы: виртуального «над-пространства» как основного места действия, высокого уровня освоения человечеством био- и нанотехнологий, наличию героев особого типа – асоциальных и харизматичных одиночек, обладающих уникальными талантами в области вычислительной техники и программирования.

Местом действия становится государство, сформировавшееся в результате мощных социально-политических преобразований, произошедших в результате глобальной катастрофы: в «Живущем» это Великое сокращение (эпидемия насильственных смертей), «Нульгороде» – массовые самоубийства и уход людей из реальных городов. Однако авторы антиутопий указывают на новые бедствия, ставшие следствием расцвета высоких технологий: потеря интереса к реальности в «Живущем» и эскалация этой тенденции в «Нульгороде» в связи с открытием функционирования сознания в терминале после гибели физического тела. Тем не менее тема тоталитарной власти в произведениях проявляется по-разному: она скрытая (Нульгородом управляют таинственные «дизайнеры», вопрос об управлении чудо-миром остается открытым) и явная (Совет Восьми, жестко регулирующий мир «Живущего»).

В представленных произведениях происходит изменение типичного антиутопического героя: в рассказе Л. Каганова мир показан глазами человека, отказавшегося от борьбы в пользу бессмысленной рефлексии, он становится участником «коллективной эвтаназии» человечества. Претерпевает существенную метаморфозу типология персонажей «Живущего» А. Старобинец. соблюдении При начальном кажущемся традиционной схемы с «пробуждением души» главного героя и превращением его в революционера-мятежника происходит любопытное смещение классической антиутопической триады «герой-тиран», «герой-бунтарь» и «герой-жертва». В романе бунтарь (Зеро) оказывается жертвой обстоятельств, в то время как истинный бунтарь (Крэкер) становится тождественен тирану, обезнадеживая читателя и придавая произведению особую мрачность прогностических перспектив.

Наблюдаются усложненные отношения с утопией: главные герои хотят изменить мир, разорвав связь с иллюзией, но либо сдаются и становятся частью обмана (Костя), либо доводят человечество до уничтожения (Зеро).

Пространство расширяется за счет включения в его структуру дополнительной грани — киберпространства виртуального мира, выполняющего полярные функции объединения и разобщения героев одновременно. Пропадает смысл в разделении человечества на города, страны, народности — «электронная соборность» формирует новый тип антиутопического хронотопа: ограниченное замкнутое пространство тоталитарного государ-

ства отныне не имеет географической привязки, а время становится эфемерно - ведь в иллюзорном мире отследить его течение практически невозможно. Разрыв связи происходит по другой диагонали: не между прошлым, настоящим и будущим, а между реальностью и виртуальностью (иллюзией). В то же время электронная соборность парадоксально влияет на человеческие отношения - вместо единения она способствует еще большей разобщенности людей: неумение самостоятельно мыслить, все большее погружение в свое собственное «я», иллюзорные ощущения и фантазии. «Фантоматические спектакли» становятся заменой настоящей жизни, что неизбежно приводит к полной замятинской «энтропии» и, по сути, самоубийству цивилизации. Авторское видение будущего характеризуется особым пессимизмом и мрачностью перспектив – ни в одном из произведений не нашлось места настоящему герою: оба они мечтали или в конце концов решили стать частью «государственного организма». Конфликт также претерпевает трансформацию и становится социально-психологическим: большое внимание в данных антиутопиях уделено внутренней борьбе главных героев между правильным путем и желанием быть как все, стать частью «дивного нового мира» и найти в нем свое место.

В исследованных произведениях также происходит изменение религиозной тематики. Если в ряде антиутопий, рассмотренных в 1 главе («Мечеть Парижской Богоматери» Е. Чудиновой, «Маскавская Мекка» А. Волоса и др.) идет смещение координат к конкретным религиям, а центральной темой становится противостояние ислама и христианства, в «Будущем» Д. Глуховского происходит борьба сверхчеловека с Богом, то в «Живущем» и «Нульгороде» наблюдается уклон в сторону мистически-непостижимого. В романе А. Старобинец, как в классическом киберпанке, Богом становится Система — самостоятельно возникшая из хаоса, неподконтрольная людям структура, обладающая сознанием и властью. Некие «высшие силы» увели людей из мира в рассказе Л. Каганова, возможно, для того чтобы планета «очистилась».

Особенно красочно презентирован в рассматриваемых произведениях псевдокарнавал: это и включение в повествова-

ние мотива избрания «шутовского короля» (объявление Зеро избранным), и эксцентричность, театрализация (казни в прямом эфире, превращенные в шоу в «Живущем», комичнодраматичные описания различных способов самоубийства в «Нульгороде», изображение символа магазина ядов как пародии на общепринятую медицинскую эмблему). Серьезность в иллюзорном мире становится атавизмом, потому что виртуальность позиционируется как вечное развлечение.

В антиутопии А. Старобинец также широко продемонстрировано проникновение идеологии в языковую сферу, в частности, обеднение лексики, аббревиация, мифологизация и введение новояза, отражающего реалии нового государства. Для демонстрации необратимых изменений человеческого восприятия мира автор использует прием квазиноминации, или переназвания. Например, переобозначение цветов («доступен» зеленый, «занят» - красный, «мне повезет» - яркий, в противовес «инвизибл» – незаметный, бело-серый) призвано показать преобладание виртуальной реальности над реальностью «первослойной», наглядно продемонстрировать узость мышления нового человека, отсутствие красок в его жизни, ограниченной чатовым общением. Обозначение смерти как «паузы» или «пяти секунд тьмы» имеет определенную цель для тоталитарной верхушки общества – камуфлируя суть понятия, власть показывает, что все держит под своим контролем. Разнообразные аббревиации наглядно представляют тенденцию к сокращению слов в современном виртуальном общении, а выражения из Книги Жизни создают мифологизированный образ Живущего.

В Заключении подводятся общие итоги исследования. Изучив историю становления жанровой модели русской литературной антиутопии и проанализировав совокупность теоретических работ по данному вопросу, мы пришли к выводу о том, что антиутопия в узком смысле слова — литературный жанр, находящийся в диалогически-дискуссионных отношениях с утопией и представляющий собой описание негативной социальной модели, являющейся экстраполяцией современных тенденций развития общества, в широком — тип сознания и особый способ художественного предвидения, целью которого становится репрезентация

неприемлемых с гуманистической точки зрения вариантов развития социума на основе популярных социально-политических, экономических, религиокультурных и других концепций.

Несмотря на особое «промежуточное» положение антиутопии на границе науки (социологии, политологии, философии, историософии, антропологии, культурологии и др.) и художественной литературы, а также на ее тесную связь с социальным прогнозированием, в XX веке антиутопия приобретает жанровую автономность и более не идентифицируется как «наджанровое образование». Период стабилизации жанровой традиции и аккумулирования нормативных констант приходится на XX век – время возникновения классических для антиутопии произведений (Е. Замятин, Дж. Оруэлл, О. Хаксли и др.), когда окончательно формируется идейно-тематическое и художественное своеобразие жанра.

В данной работы нами был проанализирован ряд современных антиутопических произведений, открывающих новую страницу в истории жанра. Антиутопия XXI века меняет тематику, и сюжетообразующими элементами становятся страхи современности: проблема глобализации, потеря религиозной и национальной самобытности при оккупации страны агрессивно настроенными захватчиками («Мечеть Парижской Богоматери» Е. Чудиновой, «Маскавская Мекка» А. Волоса, «Приговоренный» А. Кабакова); угроза экологической катастрофы, глобального перенаселения планеты («Будущее» Д. Глуховского), комплекс морально-этических проблем, связанных с возможностью человечества достичь бессмертия («Будущее» Д. Глуховского, «Живущий» А. Старобинец, «Нульгород» Л. Каганова), возможные последствия скачкообразного развития информационных технологий и массового ухода людей в «иллюзорные миры» компьютерной реальности («Живущий» А. Старобинец, «Нульгород» Л. Каганова).

В результате данного исследования мы пришли к выводу, что проблематику и поэтику антиутопии затронули существенные изменения. Среди них — трансформация религиозной тематики (если в классической антиутопии XX века религией было поклонение некому идолу-государству либо человеку-

Благодетелю, представляющему это государство, вера в чистый разум и рациональное начало, то в антиутопии XXI века координаты сдвигаются к конкретным религиям («Мечеть Парижской Богоматери» Е. Чудиновой, «Маскавская Мекка» А. Волоса, «Приговоренный» Кабакова, Α. «Однодневная война» В. Маканина), происходит борьба сверхчеловека с Богом («Будущее» Д. Глуховского) либо наблюдается уклон в сторону мистически-непостижимого - Богом становится Система - самозародившееся в условиях нового мира, полумифическое нечто, имеющее «сознание и волю» («Живущий» А. Старобинец). Для современных произведений характерно смещение основного конфликта от политики и идеологии в сторону сферы социо- и религиокультурной (Е. Чудинова, А. Волос, А. Кабаков, В. Маканин) либо в область философии (Д. Глуховский, Л. Каганов). С последним связано появление в антиутопии характерной для русской литературы в целом дихотомии «Восток – Запад».

Трансформируется традиционный антиутопический хронотоп - фантастические допущения, служащие для моделирования иной действительности, в указанных произведениях встречаются заметно реже. Эффект подлинности повествования достигается за счет активной эксплуатации образа текущего социального, политического, культурного развития человечества и использования популярных общественных тенденций. В современной антиутопии не разорвана связь прошлого, настоящего и формируется будущего, наоборот, четкая причинноследственная связь, позволяющая не только показать преемственность эпох, но и сопоставить вымышленное и реальное; зачастую на такой связи строится сюжетная коллизия.

Качественные изменения коснулись образной системы персонажей: в современной антиутопии, в отличие от классической, прослеживается тенденция к «уравновешиванию» женских и мужских образов. Героиня, в традиционной антиутопии выполняющая роль безликого «катализатора» бунта, из субъекта, призванного «смутить» героя-конформиста, трансформируется в движущую силу истории. Софья Севазмиу, Аннели представляют собой принципиально новый тип героини в антиутопической литературе – женщины сильной духом, способной на бунт про-

тив судьбы посредством борьбы с террором тоталитарной власти, но при этом не лишенной человеческих черт. Меняется и типичный антиутопический герой: зачастую это человек, сознательно отказавшийся от борьбы в пользу бессмысленной рефлексии («Приговоренный» А. Кабакова, «Однодневная война» В. Маканина, «Живущий» А. Старобинец, «Нульгород» Л. Каганова).

На современном этапе функционирования литературы наблюдается смещение жанровых границ, взаимопроникновение и слияние жанров. Структура современной антиутопии обогатилась включением в нее характерных черт киберпанк-литературы: действие, происходящее в киберпространстве, наличие нетипичного героя: маргинала, хакера либо программиста, использование узнаваемых элементов мира, таких как биоимпланты, нанотехнологии, генная инженерия, искусственный интеллект и т. д. Кибер-единение людей формирует новый тип антиутопического хронотопа: пространство приобретает новую плоскость - «надпространство» виртуального мира, и именно оно играет ключевую сюжетную роль – изолята и одновременно коннектора. Разрыв связи происходит по другой диагонали: не между прошлым, настоящим и будущим, а между реальностью и виртуальностью (иллюзией). Эти черты явственно прослеживаются в «Живущем» А. Старобинец и «Нульгороде» Л. Каганова.

Полученные в ходе исследования научные результаты характеризуют классическую структуру жанра антиутопии и существенно расширяют представление о его современном состоянии.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр Высшей аттестационной комиссии (BAK) при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

- 1 Жилинка, В. В. Реализация образно-смысловой оппозиции «бог / дьявол» в антиутопическом романе Д. Глуховского «Будущее» [Текст] / В. В. Жилинка // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 3 (58). С. 107–109.
- 2 Жилинка, В. В. Эволюция классической системы персонажей в антиутопии А. Старобинец «Живущий» [Электронный ресурс] / В. В. Жилинка // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 112 (08). URL: http://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/62.pdf.
- 3 Жилинка, В. В. Специфика темпорального дискурса антиутопии Д. Глуховского «Будущее» [Текст] / В. В. Жилинка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 8. Ч. 1. С. 24—26.

Публикации в других в изданиях, входящих в базу РИНЦ:

- 1 Жилинка, В. В. Роман А. Старобинец «Живущий» и классическая антиутопия: парадигма «семья государство» [Текст] / В. В. Жилинка // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Международ. науч.-практ. конф. к 160-летию со дня рождения И. Ф. Анненского в рамках Года литературы в России. Краснодар: Издательский Дом Юг, 2015. С. 80–84.
- 2 Жилинка, В. В. Социокультурный конфликт современной антиутопии (на материале рассказа В. Маканина «Однодневная война») [Текст] / В. В. Жилинка // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития : материалы I Международ. науч.-практ.

- конф. молодых ученых (докторантов, аспирантов и магистрантов), 9 апреля 2016 г. Краснодар : Издательский Дом Юг, 2016. С. 95–97.
- 3 Жилинка, В. В. Жанровые черты киберпанка в антиутопическом романе А. Старобинец «Живущий» [Текст] / В. В. Жилинка // Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста: материалы Международ. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора Льва Александровича Степанова, доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Кубани / под. ред. д-ра филол. наук, проф. Е. А. Жирковой, д-ра филол. наук, проф. Л. Н. Рягузовой, канд. филол. наук, проф. Л. П. Голиковой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. С. 171–174.
- 4 Жилинка, В. В. Проблемно-тематическое поле антиутопии начала XXI века [Текст] / В. В. Жилинка // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы III Международ. науч.-практ. конф. молодых ученых (докторантов, аспирантов и магистрантов), 21 апреля 2018 г. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. С. 216–220.

Публикации в зарубежных журналах:

1 Жилинка, В. В. Виртуальная реальность как эскапизм XXI века: современная антиутопическая тенденция (на примере рассказа Л. Каганова «Нульгород» и романа А. Старобинец «Живущий») [Текст] / В. В. Жилинка // Новая русистика: международный журнал современной филологии и ареальной лингвистики. – Чешская республика, Брно, 2017. – № 1. – С. 25–38.